

**MEMORY STUDIES
КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ПОЛЕ
MEMORY STUDIES AS A RESEARCH FIELD**

УДК 94(48).083(436)

DOI 10.30914/2227-6874-2020-13-11-25

Сталинградская битва в исторической памяти австрийцев

И. Шварц

Аннотация. В статье рассмотрены различные подходы к понятию «историческая память» (М. Хальбвакс, А. Ассман). Разбирая примеры, приведенные А. Ассман, автор указывает, что исследование культурной памяти, политики памяти, исторической памяти и сам дискурс о памяти, становится в последние годы одним из динамично развивающихся исследовательских полей. Автор статьи ставит целью проанализировать, какой дискурс существует в Австрии об участии австрийцев во Второй мировой войне и что характерно для памяти австрийцев о Сталинградской битве. Автор дискутирует с А. Ассман, которая в своих работах утверждала, что в Австрии по сравнению с Германией не было критических настроений вплоть до 1980-х годов. В статье приведены примеры писателей Томаса Бернхарда, Петера Ханке, Петера Хениша и многих других, которые подвергли острой критике австрийское общество и оппортунизм австрийцев, вызывая острую дискуссию в 1970–1980-е годы. На основе личных бесед и наблюдений автор статьи приводит примеры отношения австрийцев к событиям прошлого, а также анализирует исторические факты и статистику участия австрийцев в Сталинградской битве. По мнению автора, события под Сталинградом для австрийцев являются травмой побежденных, травмой стыда, а для некоторых и травмой вины. При этом автор обращает внимание на один очень важный механизм травмы (по А. Ассман), по которому травма – в отличие от героического нарратива не мобилизует и не консолидирует нацию, а разрушает ее идентичность.

Ключевые слова: историческая память, забвение, Вторая мировая война, Сталинградская битва, австрийские дивизии, травма побежденных

Для цитирования: *Шварц И.* Сталинградская битва в исторической памяти австрийцев // Запад – Восток. 2020. № 13. С. 11–25. DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-11-25>

The Battle of Stalingrad in the historical memory of the Austrians

I. Schwarcz

Abstract. The article discusses various approaches to the concept of "historical memory" (M. Halbwachs, A. Assmann). Analyzing the examples given by A. Assmann, the author points out that the study of cultural memory, the politics of memory, historical memory and the discourse about memory itself have become one of the most dynamically developing research fields in recent years. The author of the article aims to analyze what kind of discourse exists in Austria about the participation of the Austrians in World War II, and what is characteristic for the memory of the Austrians about the Battle of Stalingrad. The author discusses with A. Assmann, who in her works argued that in Austria, compared to Germany, there were no critical sentiments until the 1980s. The article provides examples of writers Thomas Bernhard, Peter Handke, Peter Henisch and many others who sharply criticized Austrian society and the opportunism of Austrians, triggering a genuine cultural revolution in the 1970s and 1980s. Based on personal conversations and observations, the author of the article gives examples of the attitude of the Austrians to the events of the past, and also analyzes the historical facts and statistics of the participation of the Austrians in the Battle of Stalingrad. According to the author, the events near Stalingrad for the Austrians are the trauma of the defeated, the trauma of shame, and for some of them, the trauma of guilt. At the same time, the author draws attention to one very important mechanism of trauma (according to A. Assmann), according to which trauma, in contrast to heroic narrative, does not mobilize and does not consolidate a nation, but destroys its identity.

Keywords: historical memory, oblivion, World War II, the Battle of Stalingrad, Austrian divisions, trauma of the defeated

For citation: Schwarcz I. The Battle of Stalingrad in the historical memory of the Austrians. *West – East*. 2020, no. 13, pp. 11–25. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-11-25>

Французский философ Морис Хальбвакс, основоположник теории коллективной памяти (*La Mémoire collective* (1950)), считал, что коллективная и индивидуальная память «часто проникают друг в друга; в частности, индивидуальная память может опереться на память коллективную, чтобы подтвердить или уточнить то или иное воспоминание... и, тем не менее, она идет по собственному пути», а коллективная память хотя и «оборачивается вокруг индивидуальных памятей», не смешивается с ними, а развивается по собственным законам [4]. Хальбвакс критически относился к использованию понятия «историческая память». По его мнению, «коллективная память отличается от истории и поэтому выражение «историческая память» выбрано не очень удачно, потому что оно связывает два противоположных во многих

отношениях понятия» [4]. Особенно важен для него был вопрос идентичности разных социальных групп. Хальбвакс был убежден, что идентичность группы базируется прежде всего на ее актуальной памяти о ключевых событиях прошлого, о корнях и истоках этих событий, «поскольку из прошлого такая память сохраняет только то, что еще живет или способно жить в сознании той группы, которая ее поддерживает», а группа сама «стремится помнить только о том, что считает своим, а не чужим» [4].

Одним из крупнейших специалистов по проблемам исторической памяти сегодня является немецкая исследовательница Алейда Ассман. Ею была предпринята попытка обобщения теоретических дебатов о том, как складываются социальные представления о прошлом, что стоит за человеческой способностью помнить или предавать забвению, благодаря чему индивидуальное воспоминание есть не только непосредственное свидетельство о прошлом, но и симптом, отражающий культурный контекст самого вспоминающего [1]. Некоторые ее труды, такие как «Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика» (2014 г.), «Новое недовольство материальной культурой» (2013 г.) и «Забвение истории – одержимость истории» (2019 г.) были переведены и на русский язык [5; 6; 7]. В них Ассман показывает, как на смену единому национальному нарративу XIX века приходят плюралистические и противоречивые подходы к прошлому в рамках «нового историзма XXI века». Индивидуальные биографии, семейные истории, романы, а также мемориалы, музейные экспозиции и исторические реконструкции событий приобретают особую роль в обострении конфликтов памяти разных поколений. Работы Алейды Ассман позволяют по-новому взглянуть на те трансформационные процессы, которые переживает сегодня феномен памяти.

Осенью 2019 года в интервью для COLTA.RU А. Ассман не только повторила давно известную истину: «Забвение прошлого подразумевает опасность того, что вы его можете повторить. Это нужно помнить, чтобы отличаться от прошлого и не повторять его», но в этом контексте она обратила внимание на радикальные движения в Западной Европе, в том числе и в Австрии. «Почему надо помнить о преступлениях даже того прошлого, которое стало для нас чужим, – потому что, если ты это забудешь, оно повторится. Мы это видим на примере AfD – движения «Альтернатива для Германии». Они реально не хотят помнить о преступлениях прошлого, они «удаляют» Гитлера из немецкой истории. Дело в том, что всякая память селективна. И каждый выбирает для себя те «кусочки», которые ему нужны. Поэтому, выбрав те фрагменты немецкой истории, которые им выгодны, приверженцы AfD строят для себя пьедестал, пропагандируя свои гордость и честь. И так происходит не только в Германии, но и повсюду в Европе: в Италии снова превозносят фашизм, в Испании

вновь чествуют Франко». И далее: «Можно привести также пример Австрии, у которой тоже фашистское прошлое. Но после 1945 года у австрийцев не было внешнего давления, которое заставило бы их проработать свое прошлое, и вплоть до 1980-х годов они принимали миф о том, что стали первой невинной жертвой Гитлера. У них не было общественных движений, критически настроенных по отношению к собственному прошлому, каким было молодежное движение 1960-х годов в Германии, когда дети противостояли родителям и поднимали вопрос об их вине. Поэтому в Австрии существует сильная фашистская преемственность, закрепленная в феномене FPÖ (Австрийской партии свободы)»¹. Мы вернемся к этому примеру Ассман, касающемуся Австрии, еще раз.

И в России исследование культурой памяти, политики памяти, историческую память и сам дискурс о памяти, становится в последние несколько лет также одним из динамично развивающихся исследовательских полей. Неслучайно победителем литературной премии «Большая книга» в 2018 г. стал философско-документальный труд Марии Степановой «Памяти памяти: Романс». В попытке написать историю собственной семьи Степанова обращает внимание на проблемы и ключевые вопросы при работе на территории прошлого и предупреждает: «Чем дальше современность заходит в прошлое (по колено, по пояс, по грудь...), тем отчетливее звучит разговор о том, кому оно принадлежит: о праве на владение тем или этим клочком старого мира и о тех, у кого такого права нет»².

Особое место в исследовании проблематики занимают работы российского историка, руководителя Центра изучения культурной памяти и символической политики Европейского Университета Алексея Миллера³. Так, в рамках образовательной программы «Ельцин центра» он предложил в зимнем семестре 2019 г. новый курс – «Войны памяти»⁴. Обоснование сводилось к следующим пунктам: «В годы перестройки и в 1990-е коллективная память понималась в России как пространство поиска правды и примирения через

¹ Алейда Ассман: Большое интервью «Немцам предстоит изобрести себя как нацию заново». URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/22582-aleyda-assman-bolshoe-intervyu?fbclid=IwAR3zJyNDoEIJRc5aA3FeQStCovRHeqwaMouSwbY65Dgr1DsHkgotMSlc-e8> (дата обращения: 20.07.2020). Ср.: Ассман Длинная тень прошлого, с. 162–163.

² Мария Степанова. Памяти памяти: Романс. М., 2018. С. 157.

³ Проект РНФ 2017–2019 гг. «Комплексное сравнительное исследование политики памяти в России и на международной арене». В рамках проекта 11–12 ноября 2019 г. была организована в Петербурге международная конференция «Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе». URL: <http://inion.ru/science/issledovatel-skie-proekty/kompleksnoe-sravnitelnoe-issledovanie-politiki-pamiati-v-rossii-i-na-mezhdunarodnoi-arene-aktory-strategii-instrumentarii/> (дата обращения: 20.07.2020).

⁴ Алексей Миллер о современных тенденциях в политике памяти. URL: <https://yeltsin.ru/news/aleksej-miller-o-sovremennyh-tendenciyah-v-politike-pamyati/> (дата обращения: 20.07.2020).

правду, как внутри страны, так и с другими народами. Это было схоже с тем, как на культурную память смотрели в Европе. Однако в XXI веке этот подход постепенно менялся и в России, и в Европе. Вместо того чтобы рассматривать культурную память как пространство изживания политического, в ней стали видеть неотъемлемую часть политики. А раз это так, то вопрос не в том, как найти правду и помириться, а в том, кому выгодно, и кто выиграет. В итоге прежний подход, ориентированный на преодоление разногласий как внутри отдельных стран, так и в межнациональных отношениях, уступил место антагонистическому подходу, в котором память оказывается полем непримиримых конфликтов» [3].

В 2019 году в Петербурге вышел, не только для студентов, но и для широкого круга читателей, вводный курс «Историческая память», а за год до этого было опубликовано методологическое пособие по изучению политики памяти¹.

Как видно из этих примеров, эта тема сегодня актуальна как никогда. В рамках этой полемики вернемся к вопросу, какой дискурс существует в Австрии об участии австрийцев во Второй мировой войне и что характерно для памяти австрийцев о Сталинградской битве. И тут, к сожалению, надо констатировать, что Ассман имеет право сказать, что дискурс еще не состоялся, хотя в 1980-х годах бурные дебаты и значительный резонанс в обществе породила «афера Вальдхайма». Бывший Генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм был избран в 1986 г. президентом Австрийской Республики. Во время предвыборной борьбы выяснилось, что часть, где он служил во время Второй мировой войны, участвовала в карательных акциях против югославских партизан и в депортации евреев из Греции. Тактика Вальдхайма «я ничего не помню», «я исполнял свой долг» вызвала острую полемику. Впервые «система молчаливого соглашения» между крупнейшими австрийскими партиями, в рамках которого нацистское прошлое табуировалось и выводилось за скобки партийно-политических конфликтов, вышла из-под контроля, и общество разделилось на тех, кто считал Австрию и австрийцев первой жертвой нацизма, и тех, кто выступал против подобной «культуры забвения»².

¹ Историческая память: введение : учебное пособие / Ю.А. Сафронова. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт Петербурге, 2019; Методологические вопросы изучения политики памяти / под ред. : А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб. : Нестор-История, 2018.

² Ватлин А.Ю. Австрия в XX веке. Учебное пособие для вузов. М.; Берлин, 2014. URL: https://books.google.at/books?id=djy0CgAAQBAJ&pg=PT208&lpg=PT208&dq=%D0%90%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B0+%D0%9A%D1%83%D1%80%D1%82+%D0%92%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%B4%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BC&source=bl&ots=t22qEEfira_&sig=ACfU3U1rRmMqngwLz0iA3ehobgiIP7gEmw&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwizmMW5ol3mAhXMKVAKHSMiAHsQ6AEwBH0ECBAQAQ#v=onepage&q=%D0%90%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B0%20%D0%9A%D1%83%D1%80%D1%82%20%D0%92%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%B4%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BC&f=false (дата обращения: 20.07.2020).

Как известно, в подписанной Англией, Россией и США Московской декларации в 1943 г. Австрия рассматривалась как первая жертва фашизма, и «доктрина жертвы» сохранилась в республике до 1980-х годов. Она снимала с Австрии ответственность за преступления нацизма [10]. Процесс денацификации после войны был быстро свернут, и многие ветераны вермахта и войск СС заняли в обществе почетные места. Но Ассман ошибается, когда утверждает, что в Австрии по сравнению с Германией не было критических настроений вплоть до 1980-х годов. Творчество писателей Томаса Бернхарда, Петера Ханке, Петера Хениша и многих других ставило под вопрос эту доктрину и подвергло острой критике австрийское общество и оппортунизм австрийцев, вызывая подлинную культурную революцию в 1970-х – 1980-е годы [9].

О чем говорят люди старшего и нового поколения?

Приведем несколько примеров. За почти 30 лет работы в Венском университете часто приходилось в разговорах о Второй мировой войне слышать слова: «Мой отец был под Сталинградом». Впервые столкнулась с этим утверждением в непринужденном разговоре с моей коллегой М. В.¹. Она сказала это совершенно естественно, и я была поражена! Для меня, как человека, который вырос в совершенно другой культурной среде, это был шок. Ее отец был под Сталинградом, а мы сидим и пьем кофе вместе, как будто ничего не произошло, хотя наши отцы были «по разные стороны баррикады». Интересен сам по себе факт, что когда в 2002 году в нашем институте был организован лекционный курс о женщинах Восточной Европы, моя коллега выбрала для титульной страницы сборника этого курса скульптуру Е. В. Вучетича «Родина-мать зовет!», и мне казалось, что это был ее подсознательный ответ на вопрос, почему войска Вермахта проиграли битву под Сталинградом. Потом я слышала слова: «Мой отец был под Сталинградом» от моей подруги А. Х., потом от Мартина, от Хельмута, от Вальтера – список длинный. С годами у меня сложилось впечатление, что когда речь шла о Второй мировой войне, то будто у всех моих австрийских коллег и друзей отцы были на Восточном фронте – не под Киевом, Харьковом или Москвой, а именно под Сталинградом! Это был такой коллективный образ о Восточном фронте второго поколения после войны – мой отец пережил ужасы Сталинградской битвы и остался живым.

О чем говорят факты и что нам известно об участии австрийцев?

Английский исследователь Энтони Бивор, автор книги «Сталинград», обращает внимание на очень пестрый состав армии вермахта во время войны: «Несмотря на все старания нацистов сплотить германскую армию... она оставалась вовсе не такой монолитной, как это впоследствии постарались

¹ Здесь и дальше даются только инициалы, так как речь идет о приватном разговоре.

представить некоторые писатели. Разница менталитета выходцев из Баварии, Восточной Пруссии, Саксонии и особенно австрийцев сразу бросалась в глаза»¹.

Дошедшая до нас статистика очень спорная, и цифры расходятся. Численность 6-й армии Вермахта под командованием фельдмаршала Фридриха Паулюса осенью 1942 г. под Сталинградом насчитывала около 330–335 тысяч человек. 19 ноября 1942 г. началось знаменитое наступление советской армии под кодовым названием «Уран», и 23 ноября кольцо замкнулось. В «котле» оказались 6-я армия вермахта и 24-я танковая дивизия, входившая в состав 4-й танковой армии под командованием Арно фон Ленски, а также остатки двух румынских дивизий – 20-я пехотная и 1-я кавалерийская, хорватский полк в составе 100-й егерской австрийской дивизии и автотранспортная колонна итальянских войск. По подсчетам Энтони Бивора в окружение под Сталинградом попали около 290000 человек². Выжили и вернулись домой всего 6000, по некоторым подсчетам 5000, и из них около 1200 были австрийцы³.

В состав 6-й армии входили 4 австрийские дивизии, которые насчитывали около 50000 солдат⁴. Это были:

44-я пехотная дивизия из Вены и Нижней Австрии (44. Infanteriedivision „Hoch- und Deutschmeister“ aus Wien und Niederösterreich), которая была сформирована после аншлюса Австрии к Рейху в 1938 г. из 1-й, 2-й и 3-й дивизий бывшей регулярной австрийской армии⁵. 20-я Дивизия входила в состав 4-го корпуса армии под командованием генерал-лейтенанта Дебуа. Во время операции «Уран» находилась на северном фланге и потеряла около 2000 человек⁶. Дивизия во время окружения находилась в степи, при невыносимом холоде, голоде и отсутствии боеприпасов, имея задачу защитить западный фронт от любых попыток Красной армии его прорвать. При наступлении советской армии 10 января солдаты дивизии были отброшены к западной границе города, и огромная их часть погибла. Последние из них сдались в плен 28–29 января. Из этой дивизии вернулись в Австрию после войны не больше 100 человек. Среди них был и Ганс Дибольд, врач дивизии⁷.

¹ Энтони Бивор. Сталинград. М., 2018. С. 44.

² Бивор. Сталинград. С. 386.

³ URL: <http://www.bundesheer.at/truppendienst/ausgaben/artikel.php?id=1458> (дата обращения: 20.07.2020).

⁴ По некоторым данным около 40000–45000 человек. URL: <http://www.bundesheer.at/truppendienst/ausgaben/artikel.php?id=1458> (дата обращения: 20.07.2020).

⁵ Там же.

⁶ Бивор. Сталинград. С. 386.

⁷ Его воспоминания были опубликованы в 1949 г. См.: Hans Dibold, Arzt in Stalingrad. Passion einer Gefangenschaft. Salzburg 1949. Neue Auflage 2004.

100-я горнострелковая дивизия, известная как егерская дивизия из Залцкаммергута (100. Leichte Jägerdivision aus dem oberösterreichischen Salzkammergut) под командованием немецкого офицера, генерал-лейтенанта Вернера Занне (Werner Sanne). Свидетели описывают его как особенно беспощадного офицера, который непрерывно отправлял солдат в бой, несмотря на потери. Дивизия участвовала в боях на заводе «Красный Октябрь», оружейном заводе «Баррикады», на Высоте 102,0 (Мамановом кургане) и на Татарском вале. В состав дивизии входил также 369-й хорватский полк. Лично Анте Павелич, основатель и лидер фашистской организации усташей, прилетел 24 сентября 1942 г. проинспектировать своих солдат и вручить им знаки отличия. В январе 1943 г. дивизия была полностью уничтожена. Генерал-лейтенант Занне был одним из последних, который сдался в плен. Умер в 1952 году в лагере военнопленных в Краснополье¹.

297-я пехотная дивизия из города Бадена (297. Infanteriedivision, Baden) входила в 4-й корпус под командованием генерала инженерных войск Эрвина Йенеке (Erwin Jaenecke)². Командующим был генерал-лейтенант Пфеффер, командир пехотного батальона 297-й дивизии был майор Бруно Гебеле, капелланом – доктор Алоис Бек. Позднее, по поводу спекуляций, что прорыв в декабре 1942 г. мог бы увенчаться успехом, Бек пишет в своих воспоминаниях: «Русские перестреляли бы «полузамерзших солдат как зайцев», потому что те просто не могли бы идти по сугробам высотой по колено»³. Дивизия сдалась 29 января. Неизвестно, сколько остались в живых и вернулись домой.

9-я зенитная дивизия Вена-Кагран (9. FlAK⁴ Division – Wien-Kagrán) под командованием генерал-майора Пикерта обслуживала аэродром «Питомник», и ее обязанность была защищать аэродром от налетов противника и обеспечить снабжение рейсов Люфтваффе. Сдалась 28–29 января, сколько остались в живых и вернулись – трудно сказать⁵ [2].

¹ Бивор. Сталинград. С. 248. Ср. <http://www.lexikon-der-wehrmacht.de/Personenregister/S/SanneWerner.htm> (дата обращения: 20.07.2020).

² С 1 ноября 1942 г. до 22 января 1943 г. Jaenecke был Kommandierender General des IV. Armeekorps. Вывезен по воздуху из котла до капитуляции.

³ См. Бивор. Сталинград. С. 422–423.

⁴ FlAK – Fliegerabwehrkanonen Division.

⁵ О военнопленных при Сталинграде см. публикации Александра Епифанова: А.Е. Epifanow, Hein Mayer Die Tragödie der deutschen Kriegsgefangenen in Stalingrad: von 1942 bis 1956 nach russischen Archivunterlagen. 1996; Епифанов А.Е. Организационные и правовые основы наказания гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР 1941–1956 гг. М., 2017.

Ситуация в войсках вермахта накануне капитуляции по свидетельствам очевидцев

С начала декабря продуктов и боеприпасов становились все меньше. 20 декабря были зарегистрированы первые умершие от голода. Холод в сочетании с голодом привели к тому, что солдаты, свободные от несения службы, постоянно лежали в землянках, стараясь сберечь внутреннюю энергию. Но самым страшным были не апатия, а бредовые состояния: кто-то громко кричал, кто-то слышал голоса, а кто-то доходил до самоубийства. Так, 26 декабря один из офицеров 6-й армии отметил в своих записках, что физических сил больше ни у кого нет и при этом сильном морозе наступает момент, когда каждый мог бы сказать: «Мне теперь наплевать – замерзну я медленно или русские убьют меня»¹. В середине января большей части солдат нечего было есть. С упадком физических сил упал и боевой дух. Только за одну неделю в январе 1943 г. были приговорены к смерти в упомянутых четырех австрийских дивизиях 364 солдата. Поводом для строгого наказания были трусость, дезертирство, удаление от войск без разрешения и кража продовольствия (wegen Feigheit, unerlaubter Entfernung von der Truppe, Fahnenflucht und Verpflegungsdiebstahl). Но такие драконовские меры, как расстрелы перед строем, деморализовали солдат еще больше². В то же самое время никто из командующих не хотел брать на себя ответственность и никто не хотел действовать вопреки приказам Гитлера. Как известно, при захвате генерал-фельдмаршала Паулюса, 31 января 1943 г., он отказался подписать капитуляцию, и только утром 2 февраля наконец-то пришло известие о полной капитуляции окруженных войск. Битва на Волге завершилась, но город превратился в братскую могилу для многих солдат. И сейчас, 75 лет спустя, не совсем известно, сколько из них оставили здесь свои кости³.

Сталинградская трагедия более сильно, чем другие военные события, демонстрирует манию величия политического руководства и проблему нравственного послушания: здесь прежде всего идет речь о вине и ответственности высшего руководства, о злоупотреблении властью и о невыразимых

¹ "Jetzt ist mir alles scheißegal, und einfach langsam erfriert oder vom Russen überrannt wird" // Rolf Steininger, *Missbrauchte Tapferkeit*, Wiener Zeitung, 27. Jänner 2013. URL: https://www.wienerzeitung.at/nachrichten/wissen/geschichte/518852_Missbrauchte-Tapferkeit.html (дата обращения: 20.07.2020).

² Там же.

³ По подсчетам фрайбургского историка Рюдигер Оверманс (Rüdiger Overmans), были окружены 195000 солдат, 29000 вылетели обратно, 60000 умерли в «котле». Из 110000 военнопленных умерли 105000 и только 5000 остались живыми. In: *Das andere Gesicht des Krieges: Leben und Sterben der 6. Armee // Stalingrad. Ereignis – Wirkung – Symbol*, hg. Jürgen Förster, München 1992, S. 419–455.

человеческих страданиях, на которые были обречены все участники этой трагедии.

Как уже было сказано, в Австрию после войны вернулись около 1200 человек. Они не хотели говорить и вспоминать о «котле» – это была не только индивидуальная, но и коллективная травма. Эта была травма побежденных, травма стыда, а для некоторых и травма вины по отношению к товарищам по дивизии – тысячи погибли, а ты остался живым. Неудивительно, что многие хотели забыть и предпочитали молчать. Молчание являлось защитным механизмом – оно служило для жертвы на некоторое время средством самосохранения или смягчения боли, а преступнику оно давало безопасность и защиту от преследования [1, с. 92]. В заключение приведу еще одну цитату А. Ассман, где она обращает внимание на один очень важный механизм травмы: «Травма – в отличие от героического нарратива – не мобилизует и не консолидирует нацию, а нарушает, даже разрушает ее идентичность» [1, с. 74].

Надо сказать, что в Австрии до сих пор опубликована только небольшая часть воспоминаний¹. Среди них особое место занимают мемуары «красной графини» Рут фон Майенбург «Голубая кровь и красные знамена» и «Хотел Люкс»². Майенбург родилась в аристократической семье в Богемии, училась в Вене и находилась в интеллектуальном круге Элиаса Канетти и Эрнста Фишера. С наступлением фашизма она вместе с мужем эмигрировала в 1934 г. в Москву. Здесь была завербована Разведывательным управлением РККА и под псевдонимом Лена с 1934 по 1938 годы выполняла ряд сложных и опасных заданий в Германии. За 4 года дослужилась до звания полковника, что считалось удивительным в то время. После начала войны стала работать референтом отдела печати Исполкома Коминтерна и диктором радиостанции на немецком языке, а после роспуска Коминтерна была направлена в Главное политическое управление Красной армии. В 1943 году Майенбург стала уполномоченной по работе среди австрийских военнопленных, попавших в плен под Сталинградом, и в середине июня была направлена в лагерь военнопленных в Елабуге (Татарстан). В ее мемуарах встречаются сведения о деятельности Коминтерна, о чистках в его рядах, о жизни во время войны, о работе среди военнопленных³, но больше всего поражает ее рассказ о встрече с фельдмаршалом Паулюсом после покушения на жизнь Гитлера 20 июля 1944 года. Рут Майенбург получила задание поехать к Паулюсу, который к этому времени находился в комплексе бывшего

¹ Hans Dibold, *Arzt in Stalingrad. Passion einer Gefangenschaft*. Salzburg 1949. Neue Auflage 2004, Erwin Peter, Alexander E. Epifanow, *Kriegsgefangene. Ihr Schicksal in Erinnerungen und nach russischen Archiven*. Graz-Stuttgart 1997.

² Ruth von Mayenburg, *Blaues Blut und rote Fahnen*. Wien/München 1969; *Hotel Lux*, München 1978.

³ Mayenburg, *Blaues Blut*, с. 284–294.

санатория, недалеко от города Иванова, и узнать, как он относится к заговору Штауффенберга. В ходе разговора Паулюс, который с детства любил рисовать, попросил ее привезти ему из Москвы французские пастельные краски, так как русские, как он выразился, были дрянь: «Können Sie mir nicht französische Pastellfarben verschaffen, gnädige Frau, die muss es doch in Moskau geben, nicht nur solchen russischen Mist»¹. Паулюс вполне сознательно следовал нацистским приказам, собственно говоря, делал возможным их исполнение и, естественно, нес за это огромную ответственность. Шла война, люди погибали, умирали от голода, вокруг царил мир трагедии, а все что его интересовало и волновало – достать ему французские краски.

Среди документов и архивных материалов о Сталинграде особое место занимают письма австрийских солдат с фронта. Многие из них не дошли до адресатов и сегодня хранятся в музее «Сталинградская битва» в Волгограде. 500 копий писем были переданы австрийскому Институту по изучению последствий войн им. Людвиг Больцмана (Ludwig Boltzmann Institut für Kriegsfolgenforschung) в городе Грац и теперь доступны исследователям² [8].

Директор Института, проф. Стефан Карнер является одним из лучших специалистов по проблемам войны и военнопленных, многие годы он работал как в австрийских, так и в российских архивах, и его труды опубликованы не только на немецком, но и на русском языках³. Карнер является вместе с академиком А. О. Чубарьяном и сопредседателем Российско-австрийской комиссии историков.

О памяти и мемориальных памятниках

Каждый год в феврале и марте проводятся во многих церквях Австрии службы в память павших солдат⁴. Еще в 50-х г. (15 сентября 1957 г.) был создан как частная организация Союз ветеранов Сталинградской битвы (Stalingradbund Österreich)⁵. Его первоначальная цель была установление судеб пропавших без вести, но в целом о деятельности этой правой организации трудно найти публикации или информацию в Интернете. Сегодня региональные ветви Союза в Вене, в Мондзее/Залцкаммергут, Айген им Эннстале

¹ Mayenburg, Blaues Blut, с. 341–348.

² URL: <https://www.truppendienst.com/themen/beitraege/artikel/stalingrad-75-jahre-danach#page-1> (дата обращения: 20.07.2020).

³ Stefan Karner, Gefangen in Russland. Graz/Wien 1995; Stefan Karner, Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956. Wien/München 1995. Книга вышла также и в переводе на русском языке: Стефан Карнер, Архипелаг ГУПВИ. Плен и интернирование в Советском союзе 1941–1956 гг. М., 2002.

⁴ URL: http://www.kameradschaftedelweiss.at/seiten/ortsverbaende/feldbach/berichte/gedenkmesse2019/gedenkmesse_2019.htm (дата обращения: 20.07.2020).

⁵ URL: https://winter-borealis.livejournal.com/93141.html?fbclid=IwAR0ePwicOY7YrjyO6x5YjJs1vzZxEVUyVZYxayyPc_CZCgyodp65Wprdfk (дата обращения: 20.07.2020).

в Шайермарке, во Фельдбахе осуществляют мемориальную деятельность и проводят памятные встречи¹. За годы деятельности было поставлено несколько памятников, самый известный из которых находится в Айген им Эннстале (Aigen im Ennstal). Это небольшая каппела (часовня), которая была воздвигнута в 1973 г. по идее директора школы, бывшего солдата под Сталинградом – Отто Хабле. На колоколе, как напоминание о трагедии войны, выгравирована надпись «Сталинград 1943. Непонятное, слезы для молодежи Европы, отчаяние и надежда, мечты о мире. Господи, да будет воля твоя»².

До начала 90-х годов Волгоград являлся закрытым городом. В первый раз сюда приехала официальная делегация «Черного креста» (Österreichischer schwarze Kreuz) в рамках международной конференции, посвященной военнопленным в России (май 1992 г.). Для австрийских представителей была организована экскурсия в степи, в места, где находились солдаты 297-й дивизии, и участники экскурсии были потрясены, увидев все еще разбросанные по степи кости непохороненных солдат. Возвратившись в Вену, члены делегации рассказали о своих впечатлениях. Был создан инициативный комитет «50 лет Сталинград» под эгидой мэра города Вены – Хельмута Цилька для организации установки мемориала павшим под Сталинградом. Членами комитета были канцлер Австрии Франц Враницкий, вице-канцлер Ерхард Бусек, кардинал Ханс Грьоер, министр обороны Вернер Фасслабенд и многие другие. Памятник был открыт 8 июня 1996 г. в 20 км от Волгограда, в степи, недалеко от поселка Песчанка. При открытии присутствовали Др. Цильк и проф. Стефан Карнер³.

Для индивидуальной памяти и сохранения воспоминаний о трагедии под Сталинградом сильное воздействие имеет культ «Сталинградской мадонны». Портрет «Мадонны с младенцем» был написан перед Рождеством 1942 г. капелланом и врачом 16-й танковой дивизии – Куртом Ройбером. Внизу на этой уникальной работе воспроизведены слова евангелиста Иоанна: «Свет. Жизнь. Любовь» (Licht. Leben. Liebe.) – слова веры, утешения и надежды⁴. Сам Ройбер умер в лагере для военнопленных в Елабуге

¹ URL: <https://www.salzkammergut.at/oesterreich-poi/detail/430022074/stalingrad-gedenkstaette.html> (дата обращения: 20.07.2020). Некоторые действия этих организаций вызывают вопросы. См. например, об этом: URL: <https://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2012-08/militaer-fallschirmspringer-verbund-oesterreich> (дата обращения: 20.07.2020).

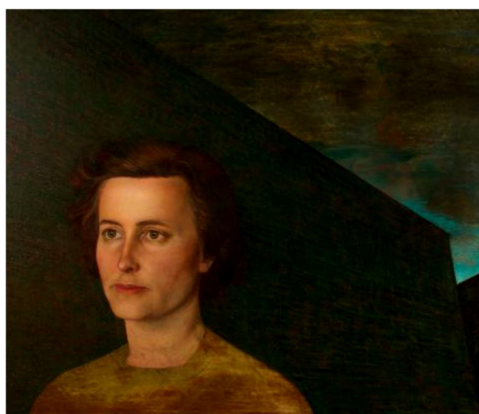
² „Stalingrad 1943 Das Unbegreifliche, Tränen um die Jugend Europas, Verzweiflung und Hoffnung, Träume von Frieden. Herr, Dein Wille geschehe.“ URL: <http://www.ennstalwiki.at/wiki/index.php/Stalingradkapelle> (дата обращения: 20.07.2020).

³ URL: <https://www.truppendienst.com/themen/beitraege/artikel/stalingrad-75-jahre-danach#page-1> (дата обращения: 20.07.2020).

⁴ Der evangelische Pastor und Arzt Dr. Kurt Reuber zeichnete Weihnachten 1942 bei Stalingrad ein Madonnenbild auf die Rückseite einer russischen Landkarte. Er selbst starb am 20.01.1944 im Lager.

20 января 1944 года. В настоящее время рисунок находится в мемориальной церкви Кайзера Вильгельма в Берлине, а копия – в кафедральном храме в Волгограде, в музее Волгограда и во многих городах и поселках Германии. Четыре копии, вырезанные как рельеф, находятся и в Австрии – в городе Баден и поселках Фелинг, Фронсбург и Лангау¹. Я побывала в день поминовения усопших, 1-го ноября 2019 г. в Бадене, где в соборе «Св. Стефана» хранится одна из этих «Сталинградских мадонн». Пока была в церкви, регулярно приходили люди, старые, молодые, дети и зажигали свечи перед рельефом Мадонны, а рядом с ней висела настоящая русская икона. Мемориальные места сегодня хранят память обо всех жертвах войны и напоминают нам об этой трагедии, потому что, как говорила Ассман, прошлое нельзя забыть – «если ты это забудешь, оно повторится».

¹Baden bei Wien Kirche St. Stephan, Felling Katastralgemeinde der Stadtgemeinde Hardegg, Pfarrkirche, Fronsburg (Weitersfeld) Bründlkappelle, Langau in der Kirche.

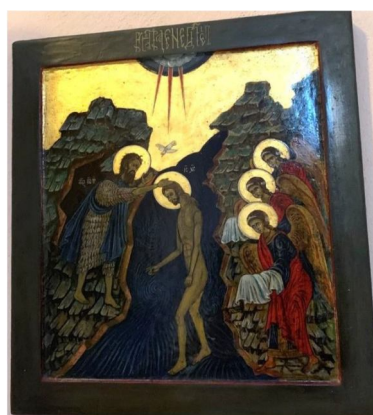
Портрет Рут фон Майенбург

Рут фон Майенбург

Церковь Св. Стефана, Баден

Икона в церкви Св. Стефана, Баден

Сталинградская Мадонна,
Баден

Памятник жертвам
Сталинградской битвы, с. Песчанка

Список литературы

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. URL: <https://www.labyrinth.ru/books/515004/> (дата обращения: 20.07.2020).
2. Епифанов А. История и правовое положение военнопленных вермахта в Сталинграде 1942/1956 гг. Волгоград, 2007.
3. Миллер А.И. Рост значимости институционального фактора в политике памяти // Политика 3 (2019). С. 87. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-3%2894%29-87-102.pdf?fbclid=IwAR1AAKmpxx9IE_M85KgKBOhLxPDgV7Wa7TFFa3sx554TETrR7_iNMHP1r1o (дата обращения: 20.07.2020).
4. Хальбвакс Морис. Коллективная и историческая память. // Неприкосновенный запас. 2 (2005). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 20.07.2020).
5. Assmann Aleida. Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. München : C.H. Beck, 2006.
6. Assmann Aleida. Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur. München: C.H. Beck, 2013.
7. Assmann Aleida. Geschichte im Gedächtnis: Von der individuellen Erfahrung zur öffentlichen Inszenierung. München : C.H. Beck, 2007.
8. Birnbaum Christoph. Es ist wie ein Wunder, dass ich noch lebe. Feldpostbriefe aus Stalingrad, 1942–43. Edition Lempertz, Königswinter 2012.
9. Hanisch Ernst. Der lange Schatten des Staates. Österreichische Gesellschaftsgeschichte im 20. Jahrhundert. In: Österreichische Geschichte 1890–1990, hg. von Herwig Wolfram. Wien 2005, S. 475–481.
10. Schima Werner. Der Zweite Weltkrieg. Vom Blitzkrieg bis zum Untergang. Wien 2018.

Статья поступила в редакцию 4.08.2020;
одобрена после рецензирования 27.08.2020; принята к публикации 15.09.2020.

Об авторе**Шварц Искра**

Институт истории Восточной Европы Венского университета, Австрийская Республика, iskra.szwarcz@univie.ac.at

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Assmann A. Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura I istoricheskaya politika [Long shadow of the past. Memorial culture and historical politics]. Moscow, 2014. Available at: <https://www.labyrinth.ru/books/515004/> (accessed 20.07.2020). (In Russ.).
2. Epifanov A. Istoriya I pravovoe polozhenie voennoplennykh vermakhta v Stalingrade 1942/1956 gg. [History and legal status of Wehrmacht prisoners of war in Stalingrad 1942/1956]. Volgograd, 2007. (In Russ.).
3. Miller A.I. Rost znachimosti institutsional'nogo faktora v politike pamyati [Growth of the significance of institutional factor in politics of memory – causes and implications]. *Politiya* = Politeia, 2019, no. 3, pp. 87. Available at: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-3-%2894%29-87-102.pdf?fbclid=IwAR1AAKmPxx9IE_M85KgKBOhLxPDgV7Wa7TFFa3sx554TETpR7_iNMHP1r1o (accessed 20.07.2020). (In Russ.).
4. Halbwachs M. Kollektivnaya I istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyi zapas* = NZ, 2005, no. 2. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (accessed 20.07.2020). (In Russ.).
5. Assmann Aleida. Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. München, C.H. Beck, 2006. (In Germ.).
6. Assmann Aleida. Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur. München, C.H. Beck, 2013. (In Germ.).
7. Assmann Aleida. Geschichte im Gedächtnis: Von der individuellen Erfahrung zur öffentlichen Inszenierung. München, C.H. Beck, 2007. (In Germ.).
8. Birnbaum Christoph. Es ist wie ein Wunder, dass ich noch lebe. Feldpostbriefe aus Stalingrad, 1942–43. Edition Lempertz, Königswinter, 2012. (In Germ.).
9. Hanisch Ernst. Der lange Schatten des Staates. Österreichische Gesellschaftsgeschichte im 20. Jahrhundert. In: Österreichische Geschichte 1890–1990, hg. von Herwig Wolfram. Wien 2005, pp. 475–481. (In Germ.).
10. Schima Werner. Der Zweite Weltkrieg. Vom Blitzkrieg bis zum Untergang. Wien 2018. (In Germ.).

The article was submitted 4.08.2020;
approved after reviewing 27.08.2020; accepted for publication 15.09.2020.

About the author**Iskra Schwarcz**

Institute of History of Eastern Europe of Vienna University, Austrian Republic, iskra.szwarcz@univie.ac.at

The author has read and approved the final manuscript.